

Научная статья

УДК: 338.984

DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-4-152-190

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

**Суцая Екатерина Сергеевна¹,
Кузык Михаил Георгиевич²,
Городный Николай Антонович³**

^{1, 2, 3} Центр исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

¹ Стажер-исследователь; essuschaya@edu.hse.ru; ORCID: 0000-0002-0359-5340

² Кандидат экономических наук, заместитель директора;
mkuzzyk@hse.ru; ORCID: 0000-0003-2971-6718

³ Младший научный сотрудник; na.gorodnyi@hse.ru; ORCID: 0000-0003-2580-0760

Аннотация. Статья посвящена межстрановому анализу эффективности основных направлений поддержки бизнеса в период коронакризиса. Информационной основой для исследования послужили опубликованные к настоящему моменту работы, в которых затрагиваются соответствующие вопросы. Выявлена существенная специфика антикризисной поддержки бизнеса в различных странах. Показано, что объем антикризисной поддержки и «охват» ею бизнеса был, как правило, большим в странах с высоким уровнем доходов. Вместе с тем проведенный анализ не дает оснований утверждать, что реализация содержательно близких мер поддержки в богатых странах была более эффективной, чем в остальных. При этом в разных странах эффективность различных инструментов поддержки бизнеса в существенной мере определялась их дизайном, а также выбором рецептов. В ряде случаев поддержка концентрировалась на успешных компаниях, что соответствует модели государства развития, однако это было характерно лишь для части стран (включая Россию) и реализованных ими мер. Наиболее востребованными бизнесом в период пандемии являлись меры, способствовавшие снижению дефицита ликвидности, причем и среди исследователей, и среди представителей властных структур преобладают положительные оценки эффективности подобного рода мер. Проведенный анализ свидетельствует о том, что при осуществлении антикризисной политики важно найти баланс между решением социальных и экономических задач, поддержкой слабых фирм, наиболее пострадавших от кризиса, и стимулированием развития высокоэффективных фирм для обеспечения устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, коронакризис, антикризисная политика, государственная поддержка бизнеса, эффективность государственной поддержки, государство развития, субсидии, налоговые льготы, льготные кредиты.

Для цитирования: Суцая Е.С., Кузык М.Г., Городный Н.А. Государственная поддержка бизнеса в период пандемии: оценка эффективности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 4. С. 152–190. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-4-152-190.

Original article

GOVERNMENT SUPPORT FOR BUSINESS DURING THE COVID-19 PANDEMIC: ASSESSING EFFECTIVENESS

**Ekaterina Sushchaia¹, Mikhail Kuzyk²,
Nikolay Gorodnyi³**

^{1,2,3} Center for Industrial Policy Studies, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russia.

¹ Research Intern; essuschaya@edu.hse.ru; ORCID: 0000-0002-0359-5340

² Ph.D. (in Economics), Deputy Director; mkuzyk@hse.ru; ORCID: 0000-0003-2971-6718

³ Junior Researcher; na.gorodnyi@hse.ru; ORCID: 0000-0003-2580-0760

Abstract. The article presents a cross-country analysis of the effectiveness of the principal business support strategies deployed during the COVID-19 pandemic. The research builds on existing literature on the relevant issues. The substantial details of the anti-crisis support provided to businesses in different countries have been revealed. The evidence indicates that the volume of anti-crisis support and its coverage of business was, in general, more substantial in high-income countries. Conversely, the analysis does not indicate that the implementation of comparable support measures in high-income countries was more effective than in other countries. The effectiveness of various business support instruments in different countries was predominantly determined by their design and the selection of recipients. In a number of cases, government support was focused on successful companies, which corresponds to the developmental state model. However, this was typical only for some countries (including Russia) and the measures they implemented. The most demanded measures for businesses during the pandemic were those that helped to reduce the liquidity deficit. Both researchers and representatives of the authorities have provided positive evaluations of the effectiveness of such measures. The analysis shows that when implementing anti-crisis policy, it is essential to strike a balance between addressing social and economic challenges, supporting vulnerable firms most affected by the crisis, and stimulating the development of high-performing firms to ensure sustainable economic growth.

Keywords: COVID-19 pandemic, COVID-19 crisis, anti-crisis policy, government business support, effectiveness of government support, developmental state, subsidies, tax incentives, preferential loans.

For citation: Sushchaia, E., Kuzyk, M. and Gorodnyi, N. (2024) 'Government support for business during the COVID-19 pandemic: Assessing effectiveness', *Public Administration Issues*, 4, pp. 152–190. (In Russian). DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-4-152-190.

JEL Classification: H12, H25, I18.

Введение

Пандемия коронавируса, обрушившаяся на мир в 2020 г., внесла свои коррективы как в повседневную жизнь граждан, так и в функционирование компаний, отраслей и национальных экономик в целом. Реагируя на стремительно растущее число заболеваний, большинство государств вводило жесткие ограничительные меры, негативным последствием которых становилось существенное сокращение, а нередко и полная приостановка деятельности огромного числа компаний. Это заставляло национальные правительства инициировать весьма масштабные и многочисленные меры поддержки бизнеса.

К настоящему времени в России и за рубежом опубликовано немалое число работ, посвященных оценке эффективности государственной поддержки экономики в пандемию. Спектр используемых в них данных и методов анализа весьма широк. Некоторые исследователи применяют исключительно макроэкономический подход, оценивая эффективность принятых мер по динамике макроэкономических показателей (обычно ВВП) и по соотношению динамики производства и затрат на реализацию принятых мер (см. например, Кочетков, 2022). Другие авторы оценивают эффективность поддержки конкретных категорий экономических агентов (чаще всего – малых и средних фирм) на основе «фронтальных» их характеристик, таких как количество фирм, численность их работников и т.п., а также на основе доступных индексов – деловой активности, деловой уверенности и т.п. (Глухов и др., 2021; Смирнова, 2021; Санников, 2022). В ряде исследований эффективность поддержки бизнеса в пандемию оценивалась по результатам опросов предпринимателей и руководителей фирм (Глухова, 2021; Cirera et al., 2021; Байгулов и др., 2022). Некоторые работы основывались на анализе поведения фирм из разных отраслей с целью выявления мер поддержки, пользовавшихся наибольшим спросом у предприятий в каждой конкретной отрасли (Симачев и др., 2021; Shinozaki et al., 2021). В отдельных случаях авторы прибегали к регрессионному анализу для выявления факторов, значимо влиявших на функционирование бизнеса в пандемию (Морозов и др., 2021).

Ввиду разнообразия подходов, методов оценок, а также отсутствия «единой шкалы» для сравнения мер государственной поддержки и их эффектов в разных странах, опубликованные на сегодняшний день работы не дают сколько-нибудь ясного представления о том, какие именно из принятых мер оказались эффективны. Настоящее исследование призвано отчасти вос-

полнить данный пробел. Авторы рассматривают эффективность ключевых инструментов поддержки бизнеса в период коронакризиса через призму их применения в различных странах, основываясь при этом на разных (порой противоположных) экспертных мнениях и эмпирических свидетельствах. Подобный комплексный подход позволяет сделать некоторые выводы в отношении эффективности не только, собственно, применявшихся мер, но и их адресатов. Последнее особенно важно для выявления роли, которую фактически играло государство в рамках антикризисной политики.

Масштабы и направления государственной поддержки в условиях пандемии

Особенностью кризиса 2020 г., коренным образом отличающей его от большинства предшествующих кризисов, является внеэкономическая природа: его негативные проявления были обусловлены пандемией COVID-19 и вызванными ею ограничениями. При этом экономический ущерб напрямую зависел от жесткости введенных ограничительных мер (рис. 1).

Рисунок 1

Связь динамики ВВП в 2020 г. с жесткостью антиковидных ограничений по странам

Примечание: здесь и далее жесткость антиковидных ограничений оценивалась на основе средних значений Индекса строгости Blavatnik School of Government, который учитывал наличие и масштабы применения в странах таких мер, как приостановка работы предприятий, организаций и учреждений; закрытие школ; отмена публичных мероприятий; ограничения работы общественного транспорта; ограничения международных перемещений; предписания находиться дома и соблюдать режим самоизоляции (Hale et al., 2023).

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank, Blavatnik School of Government.

Масштаб антикризисной поддержки экономики в разных странах существенно различался: если в Италии, Японии, Германии и на Маврикии, по данным МВФ, совокупная «стоимость» соответствующих мер превысила 40% ВВП, то, например, в Мьянме и Туркменистане – менее 1%.

Величина оказываемой поддержки в значительной мере определялась масштабом введенных ограничений (рис. 2). Однако не в меньшей степени на ней сказывался уровень развития стран: лидерами по доле средств господдержки в ВВП являлись практически исключительно развитые страны, тогда как все страны с низким уровнем доходов оказались среди аутсайдеров по данному показателю.

Рисунок 2

Совокупный объем финансовой поддержки экономики в условиях пандемии в зависимости от жесткости антиковидных ограничений и уровня развития стран

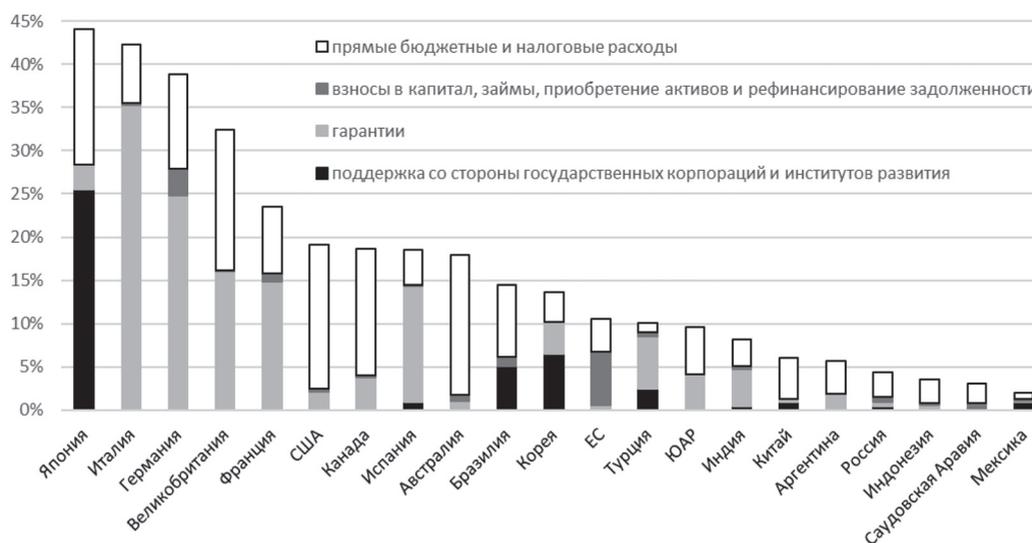
Источник: составлено авторами на основе данных IMF, Blavatnik School of Government.

Важно заметить, что масштабы антикризисной поддержки кардинально различались даже в крупных и относительно успешных экономиках – об этом свидетельствуют соответствующие данные по странам «Группы 20» (за вычетом Африканского союза, информация по которому отсутствует). Если в ряде развитых стран – Японии, Италии, Германии – совокупный объем поддержки из всех источников в 2020 г. составил порядка 40% ВВП,

то в России и некоторых развивающихся странах – Индонезия, Саудовская Аравия, Мексика – он был заметно меньше пяти процентов.

Рисунок 3

Совокупный объем финансовой поддержки экономики по отношению к ВВП в странах G20

Источник: составлено авторами на основе данных IMF.

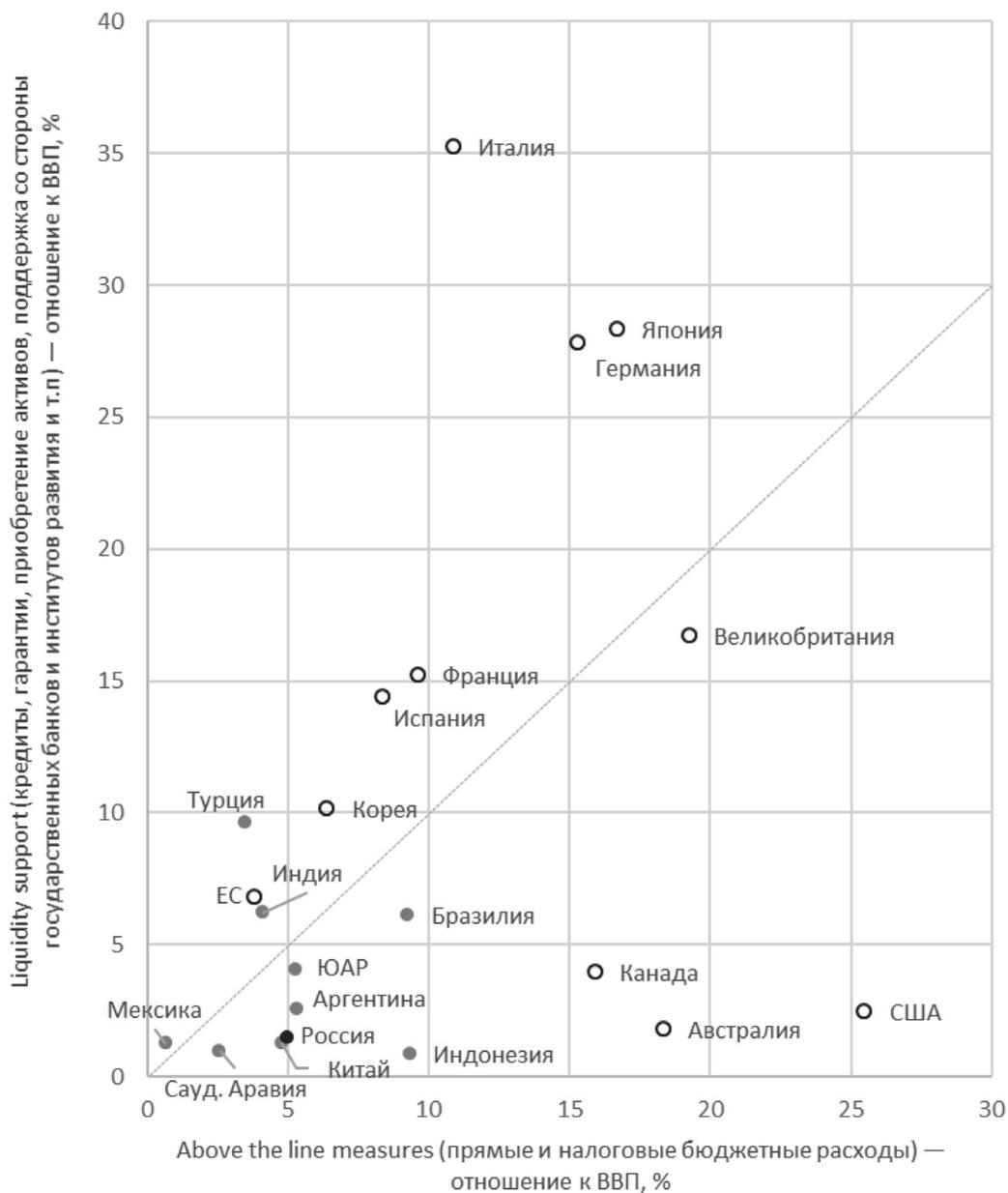
Помимо масштабов поддержки экономики, в разных странах также существенно различалось соотношение ее основных составляющих – прямых и налоговых расходов бюджета (в терминологии МВФ – «Above the line measures») и кредитов, государственных гарантий, приобретения активов, поддержки со стороны государственных банков и институтов развития и т.п. (собирательное название – «Liquidity support»). Это отчетливо видно на примере стран G20 (рис. 4).

В одних странах доминировали меры бюджетно-налогового характера, причем это характерно как для некоторых развитых стран (США, Австралия, Канада), так и – при существенно меньших масштабах поддержки – для ряда развивающихся (прежде всего, Индонезии, Китая и России). В антиковидной политике других стран преобладали меры, напрямую не влекущие за собой бюджетные расходы или недополученные доходы, причем и в этом случае в соответствующей группе представлены как развитые (Италия, Германия, Испания, Франция, ЕС в целом, Япония, Корея), так и развивающиеся страны (Турция, Индия, Мексика).

Таким образом, уже на основе доступных макроданных можно говорить о существенно различавшихся подходах властей разных стран к осуществлению мер государственной поддержки в период пандемии, причем их выбор сколько-нибудь очевидным образом не был связан со страновым уровнем развития.

Рисунок 4

Соотношение основных направлений государственной поддержки экономики в условиях пандемии в странах G20

Источник: составлено авторами на основе данных IMF.

Исследовательские вопросы

Поскольку в фокусе данного исследования находится реализация политики государственной поддержки экономики в период коронакризиса, представляется необходимым прежде всего уделить некоторое внимание

сложившейся к настоящему времени системе взглядов на возможные роли государства в экономике. Обсуждение такого рода вопросов ведется в литературе на протяжении уже по меньшей мере нескольких десятилетий, однако отправной точкой современного этапа соответствующей дискуссии можно считать работу Ч. Джонсона, который применительно к японскому экономическому чуду ввел понятие государства развития – государства, ориентированного на экономическое развитие и принимающего необходимые для этого меры, такие как обеспечение благоприятных условий для предпринимательства на длительную перспективу или стимулирование инвестиций, способствующих трансформации экономики (Johnson, 1982). П. Эванс, основываясь на примере Заира, отмечает, что влияние государства на экономическое развитие может быть и прямо противоположным и состоять в изъятии ренты при минимуме производимых общественных благ и деятельном препятствовании экономическим преобразованиям – подобные государства он называет хищническими.

Между двумя крайними случаями он также выделяет категорию промежуточных государств (Evans, 1989). В более поздней работе автор описывает четыре базовых роли, присущих государствам развития и промежуточным государствам на этапе индустриальной трансформации: опекун, сосредоточенный на регулировании и поддержании порядка; демиург, активно вовлеченный в производство и нередко замещающий частные инвестиции и конкурирующий с частным бизнесом; акушер, стимулирующий предпринимательскую активность и развитие новых сфер деятельности; животновод, сосредоточенный на поддержке частной инициативы в высокорисковых перспективных сферах либо принимающий на себя часть предпринимательских рисков, например, посредством проведения НИОКР (Evans, 1995).

В статье (Gereffi, Mayer, 2006) применительно к развитию рынков авторы вводят иную типологию ролей государства: фасилитатор концентрируется на содействии эффективному функционированию рынков, устанавливая и гарантируя права собственности, правила честной конкуренции, обеспечивая исполнение контрактов, предоставляя необходимую информацию и т.д.; в фокусе внимания государства-регулятора находится сокращение негативных внешних эффектов частного предпринимательства, таких как хищническое использование природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, вредные и опасные условия труда и др.; государство-распределитель сосредоточено на сокращении неравенства и содействии адаптации общества к экономическим изменениям посредством социального страхования, прогрессивного налогообложения, развития здравоохранения, образования, включая переподготовку работников, и иных социальных мер (Gereffi, Mayer, 2006).

Концептуальные подходы П. Эванса, Г. Джереффи и Ф. Майера получили развитие в работе Р. Хорнера. Концентрируясь на феномене глобальных цепочек стоимости (ГЦС), автор выделяет четыре соответствующих базовых роли государства. Первая роль – это фасилитатор, который на сей раз не столько определяет правила и следит за их соблюдением, сколько напрямую стимулирует участие национальных фирм и отраслей в глобаль-

ном производстве с помощью налоговых стимулов, субсидий, в том числе на НИОКР, специальных режимов, лоббирования интересов национальных производителей и т.п. Выступая в роли регулятора, государство, напротив, ограничивает интеграцию в ГЦС с помощью таможенных тарифов и квот, снижения прямых иностранных инвестиций, введения стандартов, регулирования труда и занятости и иных мер. Государство-производитель само участвует в производстве товаров и услуг через подконтрольные ему коммерческие фирмы и некоммерческие организации (т.е. фактически выступает демиургом в терминологии П. Эванса). Государство-покупатель приобретает на рынке или напрямую у фирм-производителей необходимые ему товары и услуги (Horner, 2017).

Возвращаясь к основополагающей для всех последующих построений категории государства развития, важно заметить, что данная модель государства предполагает обеспечение экономического роста посредством активного вмешательства в производственную деятельность и рыночный обмен и фактически подразумевает государственную политику создания и стимулирования сильной индустриальной экономики (см. Рубинштейн и др., 2020).

На современном же – постиндустриальном – этапе от государства требуется определять тренды развития, быть политическим менеджером концептов и проектов, ориентировать и мобилизовывать общество для продвижения в избранных направлениях – таким образом, из субъекта рыночного пространства государство фактически превращается в его организатора. Подобная модель государства в исследовании М. И. Воейкова, А. Е. Городецкого и Р. С. Гринберга получила название государства-плеймейкера (Воейков и др., 2018).

В целом, в современной литературе роли и модели государства принято рассматривать применительно к некоторым «типовым» ситуациям и состояниям экономики: промышленной модернизации, интеграции в мировую экономику, постиндустриальному развитию и т.п. При этом пандемия COVID-19 стала для мировой и большинства национальных экономик беспрецедентным (по крайней мере, за последнее столетие) шоком, предъявившим новые требования к системам государственного управления. Специфика же ролей государства в этот период не обсуждалась ни в одной из известных работ. Это позволяет сформулировать первый исследовательский вопрос следующим образом:

Какая роль (или совокупность ролей) была характерна для государств в период коронакризиса?

В любой кризисной ситуации, затрагивающей широкий круг экономических агентов, государство оказывается перед непростым выбором: поддерживать наиболее уязвимые и пострадавшие фирмы, шансы которых пережить период экономического упадка минимальны, или же оказывать поддержку высокопроизводительным и эффективным фирмам, стимулируя тем самым развитие экономики страны. В первом случае государство фактически выступает в роли «спасателя», концентрируясь на компенсации последствий произошедших неблагоприятных изменений для конкретных наиболее пострадавших фирм (Симачев и др., 2018).

Второй подход более отвечает сути государства развития – даже в кризисные периоды оказывать поддержку, прежде всего, конкурентоспособным высокопроизводительным фирмам, стремясь тем самым укрепить основу для устойчивого посткризисного роста. При этом под влиянием экономических и внеэкономических шоков многие высокопроизводительные фирмы, в особенности малые и средние, могут испытывать существенные трудности, поэтому поддержка пострадавших и поддержка лучших на практике порой может иметь одних и тех же адресатов.

Антикризисный характер поддержки в общем случае предполагает ее нацеленность на компании, больше всего пострадавшие от кризиса – например, в рамках механизмов льготного кредитования важно проводить отбор фирм, наиболее остро нуждающихся в ликвидности (Cororaton, Rosen, 2020). Вместе с тем массовая поддержка в периоды кризисов неэффективных компаний препятствует «естественному отбору» в бизнес-среде. Следует также заметить, что на макроуровне массовая поддержка нежизнеспособных фирм может выглядеть эффективной в краткосрочной перспективе в силу обеспечиваемых ею невысоких показателей количества банкротств и безработицы.

Однако в дальнейшем такая поддержка чревата «зомбификацией» экономики из-за сохранения на рынках значительного числа низкопродуктивных компаний (Hoshi et al., 2022; Honda et al., 2023; Байгулов, 2022). Наконец, следует принимать во внимание специфику самих мер поддержки: так, финансовые меры, как правило, являются более таргетированными, «точечными» и при этом обеспечивают существенные эффекты, тогда как налоговые инструменты потенциально доступны более широкому кругу реципиентов, однако и результаты их применения зачастую менее значимы (Симачев и др., 2017).

На основе вышесказанного считаем важным поставить следующий исследовательский вопрос:

Каким фирмам – высоко- или низкоэффективным – были в большей степени адресованы конкретные меры поддержки?

Наконец, как было показано выше, объемы государственной поддержки бизнеса в период коронакризиса кардинально различались в разных странах, причем в немалой степени эти различия были связаны с достигнутым уровнем экономического развития стран (рис. 2): страны с высокими доходами (в терминологии Всемирного банка) или развитые страны (в терминологии МВФ) могли позволить себе более высокую в масштабах экономики долю расходов на антикризисные меры, нежели бедные страны. При этом величина поддержки еще не свидетельствует о ее эффективности: безусловно, правительства богатых и развитых стран в силу больших ресурсных возможностей могли охватить поддержкой более широкий круг фирм, однако в случае менее развитых стран логичным выглядит предположение, что, будучи более стеснены в доступных ресурсах, их правительства были вынуждены уделять больше внимания таргетированию поддержки.

Важно заметить, что если масштабы поддержки бизнеса в разных странах рассматривались в целом ряде обзорных исследований (Cusmano,

Raes, 2020; Tetlow, Dalton, 2020; Cirera et al., 2021; Demmou et al., 2021), то примеры межстранового сравнительного анализа эффективности соответствующих мер не известны. Между тем данный вопрос видится актуальным, поскольку ответ на него может позволить извлечь из прошедшего кризиса важный урок: целесообразно ли в условиях шоков пытаться «залить экономику деньгами», как это делали правительства многих развитых стран? Или же лучше сконцентрироваться на менее затратной «точечной» поддержке отдельных отраслей и фирм? При этом важно принимать во внимание не только страновую специфику, но и характер применявшихся мер, поскольку разные меры, вообще говоря, имеют существенно различающиеся «стоимость», потенциальный охват, а также разный набор преимуществ и недостатков, что может отражаться не только на масштабах, но и на эффективности их использования в разных странах.

Таким образом, третий исследовательский вопрос звучит следующим образом:

Различалась ли эффективность конкретных мер и направлений поддержки бизнеса в России, развитых и развивающихся странах?

Исследовательский подход

Информационной основой для оценки эффективности государственной поддержки бизнеса в период коронакризиса выступает доступный массив опубликованных к настоящему времени академических и экспертных работ. Безусловно, общее число публикаций, в которых так или иначе затрагивается тема поддержки фирм в условиях пандемии COVID-19, чрезвычайно велико. Вместе с тем, как оказалось, лишь в сравнительно небольшом числе из них авторы оценивают эффективность принятых мер.

Поиск как зарубежных, так и российских работ осуществлялся с помощью сервиса Google Scholar¹. Кроме того, для поиска работ использовались научные электронные библиотеки eLIBRARY.ru², «КиберЛенинка»³ и OECD iLibrary⁴, а также доступные массивы научных и аналитических публикаций ряда авторитетных международных и российских организаций: World Bank⁵, IMF⁶, CEPR⁷, Банка России⁸, РСПП⁹. Для выявления публикаций, затрагивающих вопросы эффективности государственной поддержки бизнеса в период коронакризиса, использовался широкий спектр поисковых запросов, таких как, например, «эффективность поддержки бизнеса COVID», «поддержка фирм пандемия», «субсидии компаниям

¹ URL: <https://scholar.google.com/>

² URL: <https://www.elibrary.ru/>

³ URL: <https://cyberleninka.ru/>

⁴ URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/>

⁵ URL: <https://www.worldbank.org/en/research>

⁶ URL: <https://www.imf.org/en/Publications>

⁷ URL: <https://cepr.org/publications>

⁸ URL: https://cbr.ru/ec_research/

⁹ URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/>

коронакризис», «эффективность поддержки МСП 2020», «effectiveness business support COVID». В результате было выявлено 39 работ, содержащих количественные или качественные оценки конкретных направлений и мер государственной поддержки.

Необходимо пояснить, что авторами данной статьи понимается под эффективностью государственной поддержки. Поскольку основой для анализа выступают опубликованные работы соответствующей направленности, в которых, как отмечалось выше, используется широкий спектр различных методов и подходов к оценке эффективности, невозможно зафиксировать единый и методически строгий критерий эффективности. Подход настоящего исследования заключается в другом: для каждого направления поддержки рассматривается «баланс» позитивных и негативных оценок разных авторов, на основе которого делается вывод об эффективности меры, если позитивные оценки явно преобладают над негативными, и о неэффективности – в противном случае. Важно заметить, что подобного рода подход нередко применяется в современной практике экономического анализа (см., например, Greenaway, Kneller, 2007; Wagner, 2007; Wagner, 2012).

Спектр рассматриваемых стран ограничивается «Группой 20» (G20)¹⁰ за вычетом Африканского союза: это позволяет, с одной стороны, исключить из рассмотрения страны, принципиально отличающиеся от России уровнем социально-экономического развития, с другой стороны, охватить различные страновые модели поддержки – как по ее величине (рис. 3), так и по применяемому инструментарию (рис. 4).

Что же касается рассматриваемых мер государственной поддержки, то, основываясь на доступной литературе и ряде предложенных к настоящему моменту классификаций (РСПП, 2020; Cirera et al., 2021; IMF, 2021; Хуснуллина, 2021; Колчин, Глубокова, 2022), выделим для анализа следующие категории мер: (1) изменения порядка инициирования банкротства; (2) предоставление субсидий; (3) снижение ставок, отсрочка уплаты или отмена налогов и других обязательных платежей; (4) льготное кредитование.

Меры государственной поддержки бизнеса в период коронакризиса: обзор исследований

Изменения порядка инициирования банкротства

Соответствующие меры в том или ином виде применялись, в частности, в России и ряде стран ЕС. При этом если в России¹¹ и Бельгии (Voffo et al., 2021) был введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве, то в не-

¹⁰ Группа включает 19 стран – Аргентину, Австралию, Бразилию, Великобританию, Германию, Индию, Индонезию, Италию, Канаду, Китай, Корею, Мексику, Россию, Саудовскую Аравию, США, Турцию, Францию, ЮАР, Японию, а также два региональных объединения – Европейский союз и Африканский союз.

¹¹ Федеральный закон от 01.04.2020 N 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/ (дата обращения: 21.10.2024).

которых других странах Евросоюза (в частности, в Германии¹²) компании-должники были временно освобождены от обязанности подать заявление о собственном банкротстве¹³. Реализуя данное направление поддержки, государство фактически смягчало условия ведения бизнеса для неблагополучных компаний и тем самым, если следовать классификации Рори Хорнера (Horner, 2017), выступало в роли «дерегулятора».

Эффективность мер, ограничивавших применение процедур банкротства в период коронакризиса, положительно оценивается экспертами ОЭСР с точки зрения снижения числа банкротств (Demmou et al., 2021). В России же преобладают негативные оценки данного направления поддержки. Как отмечает Евгений Кочетков, мораторий приводит к росту долга и увеличению количества «зомби-компаний», в результате чего снижаются предпосылки к оздоровлению бизнеса (Кочетков, 2022). По мнению Александра Бежанова, негативный результат моратория заключается в том, что должник фактически получает поддержку за счет кредитора, что в перспективе может привести к банкротству последнего (Бежанов, 2020). Некоторые авторы отмечают также процедурные и юридические сложности применения данной меры (Жданова, 2020; Карелина, 2021).

Предоставление субсидий

Подобного рода меры осуществлялись в большом числе стран. Чаще всего государство, стимулируя занятость, субсидировало компаниям расходы на оплату труда – в частности, это происходило в России¹⁴, США, странах ЕС, Великобритании, Австралии, Японии, Южной Корее, Китае, Индии, Турции, Саудовской Аравии, ЮАР и др. (Cusmano, Raes, 2020). Также весьма широко практиковалась финансовая поддержка самозанятых – в США, Канаде, Австралии, Южной Корее, Великобритании и целом ряде стран ЕС: Германии, Греции, Италии, Нидерландах, Испании (Cusmano, Raes, 2020). Во Франции была предусмотрена поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) и самозанятых при снижении уровня доходов (Scarpetta, 2020). В Германии, Швеции, Канаде, Японии государственные субсидии компенсировали компаниям расходы на аренду (Tetlow, Dalton, 2020). В России субъектам МСП и социально ориентированным

¹² The COVID-19 Mitigation Act, passed by the German government. URL: <https://www.jonesday.com/en/insights/2020/04/act-to-mitigate-the-consequences-of-the-covid19-pandemic-under-germanys-civil-insolvency-and-criminal-procedure-law-of-2> (дата обращения: 02.07.2023).

¹³ Вне рамок G20 ограничения возможностей возбуждения дел о банкротстве были введены в Сингапуре и заключались в повышении минимального значения долга, при котором кредиторы могли обратиться в суд, и в увеличении времени, предоставляемого должникам для погашения задолженности (Singapore: The Insolvency, Restructuring and Dissolution Act (the IRDA) commenced on 30 July 2020).

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.04.2020 N 576 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, ведущим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351423/ (дата обращения: 21.10.2024).

некоммерческим организациям предоставлялись субсидии на проведение мероприятий по профилактике коронавируса¹⁵, системообразующим организациям – для возмещения производственных и реализационных затрат¹⁶.

В целом, предоставление субсидий наиболее соответствовало роли государства-распределителя по Джереффи и Майеру (Gereffi, Mayer, 2006): субсидируя фирмам затраты на оплату труда и некоторые другие виды расходов, а также оказывая финансовую поддержку самозанятым, власти тем самым облегчали их адаптацию к резко изменившимся условиям хозяйствования.

В зарубежной литературе преобладают позитивные оценки государственных субсидий как инструмента смягчения негативных последствий кризиса COVID-19 для бизнеса (Tetlow, Dalton, 2020; Demmou et al., 2021; Wieland, 2022). Прежде всего, отмечается положительное влияние соответствующих мер на обеспеченность компаний ликвидностью, причем наибольший вклад в преодоление кризиса ликвидности обеспечило субсидирование затрат на оплату труда (Demmou et al., 2021).

В России субсидирование заработной платы оценивалось как довольно эффективная, но недостаточная по своему объему мера (Боркова и др., 2021): размер субсидии ограничивался минимальным размером оплаты труда в расчете на одного работника, что на практике позволяло компенсировать, как правило, лишь небольшую часть соответствующих затрат. Субсидии же системообразующим предприятиям оцениваются весьма неоднозначно. Так, если в сфере розничной торговли преобладали позитивные оценки данной меры, хотя из-за чрезмерной регламентации механизма предоставления поддержки ее смогли получить далеко не все потенциальные реципиенты, то в автомобильной промышленности включение в перечень системообразующих организаций фактически привело лишь к избыточной и весьма обременительной отчетности (Авдеева и др., 2021).

Снижение ставок, отсрочка или отмена налогов и других обязательных платежей

Данное направление поддержки являлось наиболее массовым – как по количеству компаний-получателей поддержки, так и по числу стран, применявших подобного рода инструменты. Чаще всего бизнесу предоставлялись отсрочки выплат налогов: главным образом, налога на прибыль (в России, странах ЕС, Великобритании, США, Канаде, Австралии, Японии, Китае, Индии, Турции, Бразилии, ЮАР и др.); несколько реже – НДС (в Великобритании, ряде стран ЕС, Турции, Канаде, Аргентине и др.).

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 02.07.2020 N 976 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства и социально ориентированным некоммерческим организациям на проведение мероприятий по профилактике новой коронавирусной инфекции». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74234000/> (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.05.2020 N 651 «О мерах поддержки системообразующих организаций». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352128/ (дата обращения: 21.10.2024).

Нередко также практиковалось предоставление отсрочек обязательных выплат на социальное страхование и пенсионное обеспечение (в России, большинстве стран ЕС, Турции, Китае, Бразилии, Аргентине и др.). В Японии и Швеции компании могли получить отсрочку уплаты всех налогов на срок до года (Cusmano, Raes, 2020; Tetlow, Dalton, 2020). Отметим, что в России отсрочки уплаты налогов предоставлялись субъектам МСП из наиболее пострадавших отраслей, а также системообразующим организациям¹⁷. Аналогичный способ таргетирования поддержки применялся и в некоторых других странах: например, в Великобритании налоговые каникулы предоставлялись на срок 12 месяцев для бизнеса в сфере розничной торговли, гостиничного бизнеса и развлечений, в Аргентине МСП из наиболее пострадавших отраслей были освобождены от выплат по социальному обеспечению, а в Турции МСП в туристической отрасли получили отсрочку от уплаты НДС (Cusmano, Raes, 2020).

Прочие меры налогового характера также имели существенную страновую специфику. В Испании от уплаты страховых взносов были полностью освобождены компании с численностью работников до 50 человек, приостановившие деятельность либо сократившие рабочее время из-за ограничительных мер; для прочих предприятий размер взносов на социальное страхование был снижен на 75% (Sala, 2020). В Ирландии компаниям была предоставлена возможность зачесть убытки 2020 года и предыдущих лет для снижения налогооблагаемой базы (Tetlow, Dalton, 2020). В Индонезии небольшие фирмы на шесть месяцев были полностью освобождены от налога на прибыль (Hidayati, Rachman, 2021). В Китае региональные власти были наделены правом освобождать от страховых взносов микро-, малые и средние предприятия на срок до пяти месяцев и снижать на 50% размер отчислений для крупных компаний на три месяца (ILO, 2020). В России ключевой мерой поддержки налогового характера стало снижение для субъектов МСП ставки страховых взносов с 30 до 15%¹⁸. Кроме того, ИП, действующим в наиболее пострадавших отраслях, а также социально ориентированным некоммерческим организациям на отдельные месяцы 2020 г. были предоставлены каникулы в отношении уплаты практически всех налогов, за исключением НДС¹⁹.

Налоговая поддержка бизнеса в период пандемии, на взгляд авторов настоящей статьи, лежит на стыке двух ролей государства – распределителя (Gereffi, Mayer, 2006) и фасилитатора (Horner, 2017): снижая фискаль-

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 N 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики».

¹⁸ Федеральный закон от 01.04.2020 N 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349084/ (дата обращения: 22.09.2024).

¹⁹ Федеральный закон от 1 апреля 2020 года N 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. N 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349084/ (дата обращения: 22.09.2024).

ную нагрузку на бизнес, власти, с одной стороны, облегчали его адаптацию к изменениям условий хозяйствования, с другой – стимулировали его развитие. Заметим, что последнее было характерно, прежде всего, для России, где установленные в 2020 г. сниженные ставки страховых взносов для малого бизнеса имели бессрочный характер.

В целом, за рубежом эффективность налоговой поддержки бизнеса в период коронакризиса, как правило, оценивается достаточно высоко (см., например, Wieland, 2022). В России же большинство авторов сходится на том, что эффект от подобного рода мер оказался недостаточным (Бежанов, 2020; Громова, Милогорова, 2020; Байгулов и др., 2022). При этом исследователи, как правило, не оспаривают важность налоговой поддержки бизнеса в период пандемии, однако предъявляют претензии к дизайну соответствующих мер: избыточно формальному подходу к отбору адресатов поддержки и недостаточной продолжительности большей части предоставлявшихся им отсрочек и каникул (Громова, Милогорова, 2020; Байгулов и др., 2022).

Предоставление льготных кредитов

В совокупности применявшихся инструментов льготного кредитования бизнеса есть два направления, существенно различавшиеся по адресатам поддержки. Наиболее массовым как по числу применявших его стран, так и по количеству бенефициаров поддержки являлось первое направление, в рамках которого получателями кредитов выступали субъекты малого и среднего предпринимательства. Соответствующие меры осуществлялись, в частности, в большинстве стран ЕС, Великобритании, США, Канаде, Австралии, Японии, Корее, Китае, Индии, Турции, Саудовской Аравии, ЮАР, Мексике, Бразилии, Аргентине, Индонезии и др. (Cusmano, Raes, 2020; Hidayati, Rachman, 2021). В России субъектам МСП из наиболее пострадавших отраслей предоставлялись беспроцентные кредиты на выплату заработной платы²⁰. Кроме того, был реализован ранее не имевший прецедентов механизм предоставления компаниям списываемых льготных кредитов (т.е. фактически грантов) для покрытия расходов на предпринимательскую деятельность (включая выплату зарплаты и платежи по ранее полученным кредитам), подлежавших списанию полностью (при сохранении не менее 90% работников) или наполовину (не менее 80% работников)²¹.

В зарубежной литературе преобладают позитивные оценки эффективности льготного кредитования МСП – в частности, как отмечается в ра-

²⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 N 422 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на неотложные нужды для поддержки и сохранения занятости». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349384/ (дата обращения: 22.09.2024).

²¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2020 N 696 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на возобновление деятельности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352711/ (дата обращения: 22.09.2024).

боте (Wieland, 2022), такого рода меры способствовали адаптации фирм к стремительно меняющимся условиям ведения деятельности. В России, по официальным оценкам, льготное кредитование МСП также оказалось эффективным: так, по данным Банка России, программы государственной поддержки субъектов МСП в период пандемии позволили сохранить объемы кредитования на уровне предыдущего года, обеспечив около четверти объема предоставленных средств. При этом получатели поддержки продемонстрировали большую кредитную устойчивость, что может свидетельствовать о положительном эффекте соответствующих программ, а также, по мнению представителей Банка России, о том, что поддержку получили нуждающиеся в ней субъекты МСП (Банк России, 2021b). Независимые эксперты также чаще всего отмечали положительное влияние льготного кредитования на малый и средний бизнес в период пандемии, однако при этом делали вывод о недостаточности объемов реализованных программ (Глухов и др., 2021; Байгулов и др., 2022). Об этом же свидетельствуют результаты опросов РСПП, согласно которым стоимость заемных средств для малого бизнеса по итогам 2020 г. снизилась гораздо меньше, нежели для крупных фирм (Глухова, 2021). Кроме того, как и в случае с налоговыми льготами, в качестве значимого недостатка механизмов льготного кредитования отмечалась их ориентация на отрасли, официально признанные пострадавшими от кризиса COVID-19 (Глухов и др., 2021).

В рамках второго направления льготного кредитования получателями поддержки выступали крупные и сверхкрупные компании. Спектр стран, в которых применялись подобного рода механизмы, весьма узок, а наиболее яркими примерами здесь могут служить Великобритания и Россия. В Великобритании была введена специальная схема кредитования крупного бизнеса (Coronavirus Large Business Interruption Loan Scheme), ориентированная на компании с оборотом более 45 млн фунтов стерлингов. Механизм поддержки заключался в предоставлении 80-процентной государственной гарантии по кредитам на сумму до 200 млн фунтов. При этом востребованность данной схемы оказалась ниже ожидаемой из-за избыточной жесткости условий предоставления поддержки (тесты жизнеспособности заемщиков, ограничения заработной платы возрастных сотрудников и др.). В результате многие крупные компании предпочитали использовать альтернативные решения, такие как «полностью коммерческое» финансирование (Voffo et al., 2021).

В России получателями поддержки могли выступать крупнейшие компании, официально признанные системообразующими, занесенные в специальный перечень. Доступные им механизмы поддержки включали льготные кредиты на пополнение оборотных средств²² и государственные га-

²² Постановление Правительства Российской Федерации от 24.04.2020 N 582 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году системообразующим организациям и их дочерним обществам на пополнение оборотных средств». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351314/ (дата обращения: 22.09.2024).

рантии по кредитам и облигационным займам. По официальным оценкам, данное направление поддержки характеризовалось высокой востребованностью у бизнеса, в результате чего запрос на финансирование превышал запланированные бюджетные ассигнования²³ – это косвенно подтверждалось и представителями системообразующих компаний, которые нередко отмечали, что им не удалось получить поддержку (Авдеева и др., 2021).

Наконец, следует отметить, что в России, при наличии специальных инструментов льготного кредитования МСП и системообразующих компаний, значимой проблемой, согласно результатам опросов РСПП, стало отсутствие доступа к подобному рода поддержке у многочисленных фирм, превышавших формальный порог малого и среднего бизнеса, но при этом недостаточно крупных для попадания в перечень системообразующих компаний (Авдеева и др., 2021; Глухова, 2021).

В целом, льготные кредиты, как и меры налогового стимулирования, соответствовали двум ролям государства: распределителя – в силу антикризисного их характера, фасилитатора – вследствие поддержания за счет господдержки устойчивого кредитования бизнеса в период коронакризиса, что, в свою очередь, способствовало не только выживанию фирм, но и их развитию.

Эффективность господдержки: результаты анализа и выводы

Подводя итог проведенному выше обзору основных направлений поддержки бизнеса в период пандемии, отметим, что первое из них – изменение порядка инициирования банкротства – в своей наиболее радикальной форме, применявшееся в России и Бельгии, с одной стороны, позволяло предотвратить многочисленные потенциальные банкротства, однако с другой – препятствовало уходу с рынка неэффективных компаний и релокации ресурсов к более эффективным. При этом в некоторых других странах были реализованы более компромиссные варианты, позволявшие несколько снизить вероятность банкротств, но при этом полностью не блокировать оздоровление рынков с их помощью.

Наиболее распространенным направлением субсидирования в период кризиса COVID-19 являлась компенсация расходов фирм (чаще всего малых и средних) на оплату труда. В целом, эффективность подобного рода мер высоко оценивалась как за рубежом, так и в России, прежде всего, благодаря их вкладу в решение проблем компаний с ликвидностью. Вместе с тем результаты поддержки напрямую зависели от качества ее таргетирования – предоставления субсидий наиболее нуждающимся в них компаниям. В России же потенциал соответствующих мер был изначально ограничен тем, что круг возможных получателей поддержки определялся по формальным признакам их отраслевой принадлежности (для МСП) или включения в специальный перечень (для крупного бизнеса).

²³ РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/05/2020/5ec3db069a79471cd2c1ad38> (дата обращения: 22.10.2023).

Наиболее широкими по своему охвату вполне ожидаемо стали льготы по налогам и иным обязательным платежам, среди которых, в свою очередь, выделялись меры, предусматривавшие отсрочку уплаты налогов и иных обязательных платежей. В России, по данным Минэкономразвития, отсрочку по страховым платежам получили порядка 600 тыс. хозяйствующих субъектов (Абдрахманова и др., 2021). При этом важно отметить существенную вариативность применявшихся инструментов по странам – в части затронутых ими налогов, субъектов поддержки, условий доступа к ней и др. В целом эффективность налоговых мер оценивалась позитивно, однако немаловажным изъяном существенной части из них являлся недостаточный, по мнению исследователей, их масштаб. Ограниченность налоговых мер была объективно обусловлена стремлением правительств найти баланс между массовой поддержкой бизнеса и сохранением бюджетных доходов на приемлемом уровне.

Наконец, инструменты льготного кредитования чаще всего предусматривали поддержку малого и среднего бизнеса и существенно реже и лишь в отдельных странах – крупных и сверхкрупных компаний. Эффективность мер первой категории чаще оценивалась позитивно, прежде всего, с позиций обеспечивавшегося ими расширения адаптационных возможностей фирм, тогда как второй – неоднозначно: в Великобритании – из-за избыточных требований к получателям, в России – из-за изначально ограниченного специальным «штучным» перечнем круга возможных бенефициаров и при этом недостаточного объема самой программы поддержки. Кроме того, довольно заметным ограничением применения льготного кредитования в отдельных странах (в частности, в России) являлся недостаток доверия части потенциальных получателей поддержки к такого рода механизмам.

В целом, если говорить об экспертных оценках эффективности рассматриваемых инструментов поддержки, то чаще других «положительную прессу» получали государственные субсидии, несколько реже – меры налогового характера (табл. 1). Значительная доля неоднозначных оценок эффективности льготных кредитов связана с критикой той части подобного рода мер, которая была адресована крупному бизнесу. Наиболее же негативно оценивались результаты введшихся в острой фазе кризиса ограничений на инициирование банкротств. При этом важно заметить, что эффективность конкретных мер поддержки существенно зависела от того, на какой стадии коронакризиса они реализовывались (Deb et al., 2021). Так, экстренные бюджетные и фискальные меры (субсидирование заработных плат, отсрочка уплаты налогов и иных обязательных платежей) были наиболее эффективны в период действия самых жестких антиковидных ограничений, поскольку позволяли компаниям избежать закрытия и продолжить деятельность в условиях острого дефицита ликвидности. На этапе же постепенного ослабления ограничений больший эффект обеспечивали меры, направленные на скорейшее восстановление спроса и деловой активности (государственные инвестиции, снижение налогов и др.).

Таблица 1

Оценка эффективности мер поддержки бизнеса в период коронакризиса: результаты обзора литературы

Меры	Критерии оценки	Доля в общем числе			Количество рассмотренных публикаций
		негативные оценки	нейтральные или неоднозначные оценки	позитивные оценки	
Изменения порядка инициирования банкротства	Соответствие потребностям бизнеса. Краткосрочная эффективность – снижение количества банкротств. Ожидаемое долгосрочное влияние на экономику. Эффективность процедур применения	57,1%	14,3%	28,6%	7
Предоставление субсидий	Соответствие потребностям бизнеса. Качество таргетирования и применения. Краткосрочная эффективность – влияние на обеспеченность компаний ликвидностью. Ожидаемое долгосрочное влияние на экономику	17,6%	35,3%	47,1%	17
Снижение ставок, отсрочка или отмена налогов и других обязательных платежей	Соответствие потребностям бизнеса. Качество таргетирования. Краткосрочная и среднесрочная эффективность – поддержка финансовой устойчивости компаний в наиболее острой фазе кризиса и по ее завершении. Качество механизмов и процедур реализации	28,6%	35,7%	35,7%	14
Предоставление льготных кредитов	Соответствие потребностям бизнеса. Доступность поддержки, качество таргетирования. Влияние на кредитную устойчивость компаний в период коронакризиса. Качество применения, достаточность объемов поддержки	21,1%	42,1%	36,8%	19

Источник: составлено авторами.

В отношении первого из поставленных исследовательских вопросов можем отметить, что государства в период коронакризиса в наибольшей степени следовали моделям распределителя, облегчая адаптацию наиболее пострадавших экономических агентов к вызовам, обусловленным пандемией и связанными с ней ограничениями, а также фасилитатора, реализуя отдельные меры, потенциально способные обеспечить долгосрочное развитие бизнеса. Кроме того, власти практически повсеместно играли роль регулятора (Horner, 2017), следя за соблюдением санитарных норм, а также, порой, «дерегулятора», смягчая либо даже полностью отменяя требования, приводящие к инициированию банкротства. Однако, чтобы понять, насколько действия властей в период коронакризиса соответствовали «базовой» модели государства развития, т.е. отвечали интересам обеспечения долгосрочного устойчивого экономического роста, необходимо сначала приблизиться к ответу на второй из поставленных авторами данного исследования вопросов.

Здесь, на первый взгляд, отчетливо прослеживается преимущественная ориентация господдержки на слабые и уязвимые фирмы. Во-первых, во всех рассматриваемых странах в фокусе поддержки оказался, прежде всего, малый и средний бизнес, который, как показывают многочисленные исследования, значительно сильнее крупного пострадал от коронакризиса (Bennedsen et al., 2020; Buffington et al., 2020; Chen et al., 2020; Federal Reserve Bank of New York, 2020; ИТС, 2020; Банк России, 2021a). Во-вторых, критериями отбора реципиентов поддержки чаще всего выступали ухудшение показателей их деятельности (например, снижение выручки) или принадлежность к отдельным отраслям и сферам деятельности, признанным наиболее пострадавшими от кризиса (туризм, гостиничные услуги, общественное питание и т.п.). Однако детальное изучение литературы и доступных эмпирических данных позволило обнаружить, что связь между господдержкой фирм и их эффективностью была весьма неоднозначной и различалась как по направлениям поддержки, так и по странам.

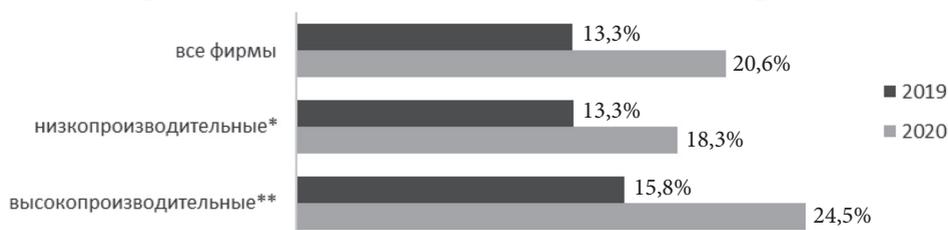
Меры, ограничивавшие применение процедур банкротства, как уже отмечалось выше, в большей степени затронули низкоэффективные или даже нежизнеспособные фирмы с высокой долговой нагрузкой. В краткосрочной перспективе такие меры позволили снизить количество банкротств, тогда как в более длительной привели к накоплению долгов и росту числа «компаний-зомби», особенно в тех странах, где был введен полный или частичный мораторий на возбуждение дел о банкротстве. В результате снижался оздоровительный эффект кризиса, состоящий в очистке рынков от низкоэффективных компаний и перераспределении ресурсов к более эффективным компаниям.

В отношении мер финансовой поддержки (субсидий и льготных кредитов) сделать однозначный вывод о том, являлись ли их получателями чаще высокоэффективные фирмы либо, напротив, низкоэффективные, не представляется возможным – здесь ситуация существенно различалась по странам. При этом в России, согласно данным проведенного в 2022 г. обследования 1,9 тыс. компаний обрабатывающей промышленности, наблюдавшийся и до коронакризиса акцент господдержки на продуктивных фирмах дополни-

тельно усилился с его наступлением: хотя и низкопроизводительные, и высокопроизводительные фирмы в 2020 г. чаще получали финансовую поддержку государства, чем в 2019 г., однако среди первых рост доли получателей поддержки составил 5 п.п. год к году, тогда как среди вторых – 9 п.п. (рис. 5).

Рисунок 5

Удельный вес компаний российской обрабатывающей промышленности, получивших господдержку

Примечания: * 25% компаний с наиболее низкой производительностью труда в каждой отрасли; ** 25% компаний с наиболее высокой производительностью труда в каждой отрасли.

Источник: составлено авторами на основе данных обследования компаний российской обрабатывающей промышленности²⁴.

Похожий результат получен в исследовании (Bighelli et al., 2023) на основе анализа распределения субсидий в пяти странах ЕС – Хорватии, Финляндии, Нидерландах, Словакии, Словении: большая часть субсидий была выделена растущим и продуктивным фирмам, испытывавшим временные трудности в период коронакризиса, в то время как фирмы-зомби и убыточные предприятия получили лишь небольшую долю от всего объема выделенных государствами средств. В недавнем исследовании финансовой поддержки французских фирм был сделан вывод о том, что такие меры, как предоставление льготных кредитов, помогли здоровым компаниям, столкнувшимся с кризисом ликвидности. Исследователи не обнаружили свидетельств «зомбификации» французской экономики (Guerini et al., 2024).

Вместе с тем в некоторых развитых и развивающихся странах наблюдалась обратная ситуация: так, в Японии субсидии и льготные кредиты с большей вероятностью получали компании, имевшие в 2019 г. (т.е. непосредственно до наступления коронакризиса) низкий торговый рейтинг (Hoshi, Kawaguchi, Ueda, 2022; Honda et al., 2023). Подобные фирмы не обязательно являлись «зомби», однако массовое получение малоэффективными компаниями льгот закономерно снижало предпосылки к естественному оздоровлению бизнес-среды.

²⁴ Обследование проведено в рамках проекта «Конкурентоспособность российских предприятий: реакция на кризис и факторы развития» Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в августе-ноябре 2022 г. в форме опроса представителей руководства российских фирм по формализованной анкете, при этом 3/4 респондентов являлись генеральными директорами. В выборку включались фирмы из 20 отраслей российской обрабатывающей промышленности с численностью занятых от 10 человек. Итоговая выборка обследования, составившая 1 879 фирм, репрезентативна в разрезе рассматриваемых отраслей обрабатывающей промышленности и размера фирм. URL: <https://iims.hse.ru/rfge/rufivaluechains> (дата обращения: 22.09.2024).

В Португалии, как отмечено в работе (Kozeniauskas et al., 2020), льготные кредиты чаще предоставлялись компаниям с относительно низкой производительностью, так как именно они сильнее других пострадали от коронакризиса. Подобная ситуация наблюдалась также в Италии (De Marco, 2020).

Что же касается налоговых льгот, то в отношении них, с одной стороны, эмпирических свидетельств заметно меньше, с другой – их результаты более однозначны. В Японии малоэффективные компании существенно чаще становились получателями льгот по выплатам страховых взносов, чем более эффективные (Honda et al., 2023). В Испании небольшие и менее продуктивные фирмы также чаще остальных прибегали к использованию отсрочки уплаты налогов (Fernández-Cerezo et al., 2023). В Португалии отсрочки по уплате налогов были более востребованы низкопроизводительными фирмами (Kozeniauskas et al., 2020). Ориентация налоговых инструментов поддержки на неэффективные компании отмечалась также в Китае (Cui et al., 2020). Особняком стоит Россия, где самый масштабный по своему охвату инструмент фискальной поддержки – сокращение взносов во внебюджетные фонды, был адресован всем МСП независимо от уровня их эффективности.

Следует заключить, что ориентация государственной поддержки на высокопроизводительные и перспективные или низкоэффективные и нежизнеспособные фирмы различалась как по странам, так и по мерам поддержки. Возвращаясь же к первому исследовательскому вопросу, отметим, что явные проявления модели государства развития – такие как приоритет доступа к поддержке лучших фирм (более значимых для долгосрочного экономического роста) перед худшими или перманентный характер мер, улучшающих условия для развития максимально широкого круга экономических агентов, были присущи далеко не всем странам и не по всем рассматриваемым направлениям поддержки. При этом в худшую сторону на общем фоне выделялась, прежде всего, Япония, тогда как в лучшую – Россия. Что же касается модели государства-плеймейкера, то в период пандемии наблюдались некоторые ее проявления: властные структуры были вынуждены, как минимум, разъяснять населению необходимость вводившихся ограничений; кроме того, в России имеются свидетельства не только расширения взаимодействия власти и бизнеса в острой фазе коронакризиса (что характерно для любых кризисных эпизодов), но и повышения эффективности такого взаимодействия (Авдеева и др., 2021; Глухова, 2021). Однако в 2021 г., когда кризисные проявления были во многом преодолены, явного и очевидного продолжения эти процессы не получили.

Наконец, третий исследовательский вопрос основывался на предположении, что более высокие (с поправкой на размер экономики) расходы развитых стран на антикризисную поддержку позволили им оказать ее более широкому кругу фирм. В целом данное предположение подтвердилось: некоторые наиболее массовые формы поддержки действительно чаще использовались в развитых странах с высоким уровнем доходов, причем наиболее явно это проявлялось в отношении субсидирования расходов на оплату труда. Большой спрос фирм из богатых стран на данную меру, очевидно, был обусловлен более высоким уровнем зарплат в таких странах,

необходимость выплачивать которые ложилась тяжким бременем на компании в условиях обвального падения выручки. В целом же фирмы из стран с относительно низким уровнем дохода получали поддержку почти в пять раз реже фирм из более богатых стран. При этом в последних поддержка бизнеса была также менее диверсифицированной и имела больший акцент на долговом финансировании (Cirera et al., 2021).

Что же касается эффективности поддержки бизнеса в разных странах, то на уровне конкретных мер она заметно различалась, однако проанализированный массив литературы не позволяет говорить о наличии какой-либо явной ее взаимосвязи с уровнем развития стран. Например, эффективность финансовой поддержки, как правило, положительно оценивалась и в развитых, и в развивающихся странах, и в России. Следует, скорее, говорить о том, что эффективность конкретной меры поддержки гораздо в большей степени определялась ее таргетированием и дизайном, нежели уровнем развития страны. Кроме того, помимо экономических особенностей страны, на реализацию мер влияли социокультурные и прочие характеристики государства. Так, в Японии массовая финансовая поддержка несла существенные риски зомбификации экономики не только потому, что субсидии и льготные кредиты в основном получали малоэффективные фирмы, но и вследствие исторически сложившейся уязвимости национальной экономики перед зомбификацией. В то же время в ряде стран ЕС (Франция, Финляндия, Нидерланды и некоторые др.) исследователи не обнаружили свидетельств того, что массовое субсидирование фирм приводило к увеличению количества нежизнеспособных предприятий на рынке. Баланс эффектов от изменений порядка инициирования банкротства также определялся не уровнем развития страны, а тем, насколько радикальными были эти изменения: мораторий на возбуждение соответствующих дел, с одной стороны, минимизировал количество банкротств, с другой – способствовал сохранению на рынках низкоэффективных фирм, обремененных существенными долгами; более мягкие варианты реализации данной меры не так сильно ограничивали «очищение» рынков от слабых компаний, однако при этом гораздо меньше снижали риск массовых банкротств, чреватых неблагоприятными социальными последствиями, такими как резкий рост безработицы. Наконец, в России главные претензии к поддержке бизнеса в период коронакризиса со стороны как исследователей, так и самих реципиентов поддержки касались не совокупной ее величины (к слову, весьма небольшой по меркам стран G20), а таргетирования и дизайна соответствующих мер: ориентации на компании из отраслей, официально признанных наиболее пострадавшими, чрезмерной бюрократизации, недостаточного размера зарплатных субсидий в расчете на одного работника и т.д.

В заключение отметим, что отсутствие сколько-нибудь явной и очевидной связи уровня экономического развития стран с эффективностью их политики в период коронакризиса (при том, что с масштабами такой политики связь отчетливо прослеживается) свидетельствует об актуальности детального изучения страновых моделей антикризисных действий, причем применительно не только к пандемийному, но и к другим экономическим и внеэкономическим шокам.

Заключение

С момента начала глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и ответными мерами многих государств, сдерживавшими распространение инфекции, но при этом кардинально ограничивавшими экономическую активность, прошло уже больше четырех лет. Однако многие вопросы, касающиеся антикризисных действий властей разных стран и особенно их эффективности, пока еще изучены в недостаточной мере. Имела ли поддержка бизнеса в период коронакризиса сиюминутный эффект или же с ее помощью удалось также улучшить перспективы для долгосрочного экономического развития? Какие из многочисленных мер и направлений поддержки проявили себя лучше других? Означали ли большие масштабы поддержки большую ее эффективность? В данном исследовании, основываясь на анализе опубликованных к настоящему моменту академических и экспертных работ, авторы попытались хотя бы отчасти пролить свет на подобные вопросы.

Масштабы антикризисной политики в период пандемии в разных странах кардинально различались: даже в рамках G20 у одних стран – Италии, Японии и Германии – совокупный объем соответствующих мер превысил 40% ВВП, тогда как у других – Мексики, Саудовской Аравии, Индонезии – их удельный вес в экономике был на порядок ниже. Вместе с тем столь существенные различия в масштабах поддержки не сказались сколько-нибудь явным образом на ее эффективности, которая гораздо в большей степени зависела от дизайна соответствующих мер и выбора их адресатов.

Выделение в период пандемии правительствами многих развитых стран значительных финансовых ресурсов на поддержку экономики позволило предположить, что коронакризис стал для них не только непосредственным вызовом, но и поводом нарастить вложения в долгосрочное развитие экономики (см. Абдрахманова и др., 2021), что означало бы их приверженность модели государства развития. Однако результаты проведенного анализа подтверждают данное предположение лишь частично. Действительно, для части мер, реализованных частью развитых стран, был характерен акцент на поддержке высокопроизводительных компаний, что соответствует логике данной модели.

Однако же другие меры политики развитых стран, причем зачастую ничуть не менее затратные, были адресованы широкому кругу низкоэффективных фирм, наиболее пострадавших от кризиса. Что же касается развивающихся стран, расходы которых на антикризисную поддержку в масштабах национальной экономики были, как правило, существенно ниже, то и их политика также была направлена частью на передовые и высокопроизводительные компании, частью – на отстающие и низкоэффективные. Здесь, впрочем, важно оговориться, что полная и абсолютная ориентация антикризисной политики на лучшие и наиболее продуктивные компании едва ли возможна, поскольку в этом случае чрезвычайно высок риск массового закрытия проблемных фирм, неэффективность которых усугубилась кризисом, а это, в свою очередь, чревато существенными со-

циальными проблемами – от стремительного роста безработицы и до широкомасштабных волнений. Таким образом, даже будучи полностью переверженными модели государства развития, власти в условиях кризисов все равно должны искать баланс между поддержкой лучших и «спасением утопающих».

Что же касается модели государства-плеймейкера, выступающего одновременно в роли драйвера и менеджера социально-экономических процессов, то пандемия COVID-19 и вызванный ею кризис заставили государства в какой-то мере приблизиться к данной роли – как минимум в части коммуникаций с обществом и бизнесом. Однако подобный эффект был замечен лишь в острой фазе коронакризиса и практически исчез по ее завершении.

В заключение авторам представляется важным сформулировать некоторые уроки, основанные на проведенном анализе. Во-первых, во всех рассмотренных странах оказанная государством поддержка, безусловно, помогла бизнесу пережить по меньшей мере наиболее острую фазу коронакризиса. Масштабы поддержки существенно варьировались от страны к стране, коррелируя как с уровнем их развития, так и с жесткостью введенных ограничений, которые, собственно, и стали непосредственной причиной кризиса. При этом нет веских оснований утверждать, что величина поддержки была напрямую связана с ее эффективностью – большее значение имели дизайн поддержки, ее своевременность и адресность.

Во-вторых, коронакризис в очередной раз продемонстрировал важность поиска оптимального баланса «между спасением и оздоровлением». Как и в любой другой кризисный период, государства встали перед нелегким выбором между оказанием поддержки наиболее нуждающимся в ней предприятиям, имеющим низкие шансы пережить кризис без помощи извне, и поддержкой более продуктивных фирм, способных выступить драйверами роста после завершения «экономической турбулентности». При этом оба варианта чреватые неблагоприятными социально-экономическими последствиями: первый – сохранением на рынке большого числа низкоэффективных компаний, консервацией их отсталости и зомбификацией экономики, второй – массовыми банкротствами, ростом численности безработных (и сопутствующих расходов на их поддержку) и нарастанием социальной напряженности. Важно также заметить, что для эффективной реализации мер, соответствующих любому из подходов, критическое значение имеет таргетирование поддержки, иначе говоря – правильный выбор действительно нуждающихся или перспективных компаний.

В-третьих, в разных фазах кризиса актуальны разные меры. В наиболее острой фазе, когда компании испытывают наибольшие проблемы с ликвидностью, особенно эффективны экстренные меры, такие как субсидии на оплату труда или отсрочки обязательных платежей. При переходе же к посткризисному восстановлению большее значение приобретают меры, способствующие росту деловой активности и инвестиций: долгосрочные льготные кредиты, «опережающие» госзакупки, долговременное либо постоянное снижение налоговых платежей и т.п.

Наконец, в-четвертых, кризис, вызванный пандемией COVID-19, стал весьма яркой иллюстрацией важности освоения государством роли плеймейкера. Действительно, вводя жесткие ограничения для населения и бизнеса, власти были вынуждены гораздо активнее коммуницировать как с первым, так и со вторым, причем в случае бизнеса коммуникации порой действительно имели двусторонний характер и отражались на оказываемой поддержке. И пусть пока это стало лишь коротким по историческим меркам эпизодом, вызванным чрезвычайными и, вообще говоря, уникальными обстоятельствами, многие государства по крайней мере продемонстрировали способность «примерить» на себя роль организатора социально-экономических процессов.

Благодарности.

Авторы выражают искреннюю признательность рецензенту за конструктивную критику статьи и конкретные рекомендации по ее доработке.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект No 22-78-10110, тема «Российские компании в глобальных цепочках создания стоимости до и после пандемии COVID-19: эффекты инноваций и трансформации бизнес-моделей».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bennedsen M. et al. The impact of government aid to firms in the COVID-19 pandemic // VOX CEPR Policy Portal. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/impact-government-aid-firms-covid-19-pandemic> (дата обращения: 21.10.2024).
2. Bighelli T., Lalinsky T., Vanhala J. Cross-country evidence on the allocation of COVID-19 government subsidies and consequences for productivity // Journal of the Japanese and International Economies. 2023. No. 68, art. no. 101246. DOI: 10.1016/j.jjie.2023.101246
3. Boffo R., Marshall C., Patalano R. OECD. COVID-19 Government Financing Support Programmes for Businesses: 2021 Update, OECD Paris. 2021. URL: <https://www.oecd.org/finance/COVID-19-Government-FinancingSupport-Programmes-for-Businesses-2021-Update.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Buffington C. et al. Measuring the Effect of COVID-19 on U.S. Small Businesses: The Small Business Pulse Survey. No. CES-20-16, US Census Bureau. 2020. URL: <https://www.census.gov/library/working-papers/2020/adrm/CES-WP-20-16.html> (дата обращения: 21.10.2024).

5. Chen S. et al. Tracking the Economic Impact of COVID-19 and Mitigation Policies in Europe and the United States, Special Series on COVID-19, IMF, Washington DC. 2020. URL: https://www.imf.org/en/~/link.aspx?_id=27A8645D20AA4186A005A31874F699D0&_z=z (дата обращения: 21.10.2024).
6. Cirera X., Cruz M., Davies E., Grover A., Iacovone L., Lopez J., Maduko F., Medvedev D., Nayyar G., Ortega S., Torres J. Policies to support businesses through the COVID-19 Shock: A Firm Level Perspective // COVID Economics. 2021. Iss. 64. P. 42–72. CEPR Press, Paris & London. URL: https://cepr.org/publications/covid-economics-issue-64#392514_392940_390697 (дата обращения: 21.10.2024).
7. Cororaton A., Rosen S. Public Firm Borrowers of the US Paycheck Protection Program, Technical report, SMU Cox School of Business. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3590913> (дата обращения: 21.10.2024).
8. Cui W., Hicks J., Norton M. How well-targeted are payroll tax cuts as a response to Covid-19? Evidence from China. Technical report, SSRN. 2020. DOI: 10.1007/s10797-022-09746-w
9. Cusmano L., Raes S. OECD. Coronavirus (COVID-19): SME Policy Responses // Tackling Coronavirus Series. 2020. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/coronavirus-covid19-sme-policy-responses-04440101/#section-d1e3087> (дата обращения: 21.10.2024).
10. De Marco F. Public guarantees for small businesses in Italy during Covid-19. Technical report, SSRN. 2020.
11. Deb P., Furceri D., Ostry J.D., Tawk N., Yang N. The Effects of Fiscal Measures During COVID-19, IMF Working Papers/21/262, International Monetary Fund. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/11/05/The-Effects-of-Fiscal-Measures-During-COVID-19-504347> (дата обращения: 21.10.2024).
12. Demmou L., Franco G., Calligaris S., Dlugosch D. OECD. Liquidity shortfalls during the COVID-19 outbreak: Assessment and policy responses // OECD Economics Department Working Papers. 2021. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/581dba7f-en.pdf?expires=1689909619&id=id&accname=guest&checksum=595A963BD38BCC68B621C68D1BABC349> (дата обращения: 21.10.2024).
13. Evans P.B. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State // Sociological Forum. 1989. Vol. 4, no. 4. P. 561–587.
14. Evans P. Embedded autonomy: states and industrial transformation. Princeton, Princeton University Press. 1995.
15. Farzanegan M.R., Gholipour H.F. COVID-19 fatalities and internal conflict: Does government economic support matter? // European Journal of Political Economy. 2023. Vol. 78, art. no. 102368.
16. Fernández-Cerezo A., González B., Izquierdo Peinado M., Moral-Benito E. Firm-level heterogeneity in the impact of the COVID-19 pandemic // Applied Economics. 2023. Vol. 55, no. 42. P. 4946–4974. DOI: 10.1080/00036846.2022.2133894

17. Gereffi G., Mayer F. Globalization and the demand for governance. In: Gereffi G. (ed.) *The New Offshoring of Jobs and Global Development*. 2006. Geneva, International Institute for Labour Studies. P. 39–58.
18. Gholipour H.F., Tajaddini R., Farzanegan M.R. Governments' economic support for households during the COVID-19 pandemic and consumer confidence // *Empirical Economics*. 2023. No. 65. P. 1253–1272. DOI: 10.1007/s00181-023-02367-0
19. Giupponi G., Landais C. Building effective short-time work schemes for the COVID-19 crisis, VOX, CEPR Policy Portal. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/building-effective-short-time-work-schemes-covid-19-crisis> (дата обращения: 21.10.2024).
20. Gourinchas P.-O., Kalemli-Özcan S., Penciakova V., Sander N. Estimating SME Failures in Real Time: an Application to the Covid-19 Crisis, Working Paper 27877, NBER. 2020. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27877/w27877.pdf (дата обращения: 21.10.2024).
21. Granja J., Makridis C., Yannelis C., Zwick E. Did the Paycheck Protection Program Hit the Target? Technical report, NBER. 2020. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27095/w27095.pdf (дата обращения: 21.10.2024).
22. Guerini M., Nesta L., Ragot X., Schiavo S. The Zombification of the Economy? Assessing the Effectiveness of French Government Support During COVID-19 Lockdown // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2024. Vol. 218. P. 263–280. DOI: 10.1016/j.jebo.2023.12.013
23. Hale T. et al. Variation in Government Responses to COVID-19. Version 15. Blavatnik School of Government Working Paper. 2023. <https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-06/BSG-WP-2020-032-v15.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
24. Harasztosi P., Savšek S. Productivity and responses to the pandemic: Firm-level evidence, EIB Working Papers 2022/09, European Investment Bank (EIB). 2022. DOI: 10.2867/011145
25. Heinemann F., ZEW (Leibniz Centre for European Economic Research, Mannheim). Moving from Broad to Targeted Pandemic Fiscal Support: requested by the European Parliament's Committee on Economic and Monetary Affairs, Economic Governance Support Unit (EGOV). 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/689476/IPOL_IDA\(2022\)689476_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/689476/IPOL_IDA(2022)689476_EN.pdf) (дата обращения: 21.10.2024).
26. Hidayati R., Rachman N. Indonesian government policy and SMEs business strategy during the COVID-19 pandemic // *Niagaawan*. 2021. Vol. 10, no. 1. DOI: 10.24114/niaga.v10i1.21813
27. Honda T., Hosono K., Miyakawa D., Ono A., Uesugi I. Determinants and effects of the use of COVID-19 business support programs in Japan // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2023. Vol. 67, art. no. 101239, ISSN 0889-1583. DOI: 10.1016/j.jjie.2022.101239
28. Horner R. Beyond facilitator? State roles in global value chains and global production networks // *Geography Compass*. 2017. Vol. 11, no. 2. P. e12307.

29. Hoshi T., Kawaguchi D., Ueda K. Zombies, again? The COVID-19 business support programs in Japan // Journal of Banking & Finance. 2022. Vol. 147, no. 2, art. no. 106421. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2022.106421
30. Jansen M. et al. ITC. SME Competitiveness Outlook 2020: COVID-19: The Great Lockdown and its Impact on Small Business, ITC, Geneva. 2020. URL: <https://view.ceros.com/walstead/itc-smeco-1/p/1> (дата обращения: 21.10.2024).
31. Knox-Vydmanov C., Cunha N. et al. International Labour Organization. Social protection responses to the Covid-19 in Asia and the Pacific, ILO. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/asia/robangkok/documents/publication/wcms_753550.pdf (дата обращения: 21.10.2024).
32. Kozeniauskas N., Moreira P., Santos C. COVID-19 and Firms: Productivity and Government Policies, CEPR Discussion Paper No. 15156, CEPR Press, Paris & London. 2020. URL: <https://cepr.org/publications/dp15156> (дата обращения: 21.10.2024).
33. Kramer Mills C., Battisto J. Federal Reserve Bank of New York. Can small firms weather the economic effects of COVID-19? Federal Reserve Bank of New York. 2020. URL: <https://www.fedsmallbusiness.org/medialibrary/fedsmallbusiness/files/2019/20191211-ced-minority-owned-firms-report.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
34. Sala T. COVID-19 SPAIN: update for business in Spain regarding Labour, Tax and Corporate matters. 2020. URL: <https://www.xterna.es/covid-19-spain-measures/> (дата обращения: 21.10.2024).
35. Scarpetta S., Queisser M., Garner A., Königs S. OECD. Supporting people and companies to deal with the COVID-19 virus: Options for an immediate employment and social-policy response // Tackling Coronavirus Series. 2020. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/supporting-people-and-companies-to-deal-with-the-covid-19-virus-options-for-an-immediate-employment-and-social-policy-response-d33dffe6/#section-d1e503> (дата обращения: 21.10.2024).
36. Shinozaki S. et al. Asia small and medium-sized Enterprise Monitor 2020-volume II country and regional reviews. Asian Development Bank. 2021. DOI: 10.22617/TCS200311-2
37. Tetlow G., Dalton G. Support for business during the coronavirus crisis, The Institute for Government. 2020. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/support-business-coronavirus> (дата обращения: 21.10.2024).
38. Wieland V. Overview of how major economies have responded to the Covid-19 pandemic. Growth trajectories, debt sustainability and best practices, Economic Governance Support Unit, European Parliament. 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/689450/IPOL_STU\(2022\)689450_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/689450/IPOL_STU(2022)689450_EN.pdf) (дата обращения: 21.10.2024).
39. Абдрахманова Г.И. и др. «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 (под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

40. Авдеева Д.А., Акиндинова Н.В., Балаева О.Н. и др. Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов) (науч. ред.: Т.Г. Долгопятова, Н.В. Акиндинова, Ю.В. Симачев, А.А. Яковлев). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. DOI: 10.17323/978-5-7598-2568-5
41. Акиндинова Н.В., Глухова М.Н. и др. Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие: доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. (Ю.В. Симачев (рук. авт. кол.), Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
42. Байгулов Р.М., Ахметова Г.З., Иванов В.Н., Рудаков Д.В., Маковецкий М.Ю. Оценка эффективности мероприятий по поддержке российского малого и среднего бизнеса в условиях пандемии // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2022. № 1. С. 22–42. DOI: 10.37691/2311-5351-2022-0-1-22-42
43. Бежанов А.З. Анализ эффективности предложенных правительством РФ мер для поддержки бизнеса в условиях коронавирусной инфекции // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 10. С. 89–94. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-10-89-94
44. Боркова Е.А., Доронин М.В., Мазин А.С. Экономические последствия коронавирусной инфекции для малого бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 1181–1194. DOI: 10.18334/erpp.11.5.112085
45. Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С. Экономическая природа государства: новый ракурс: Научный доклад. М: Институт экономики РАН, 2018.
46. Глухов К.В., Чебашев И.А., Михалевский А.В. Анализ эффективности мер государственной поддержки сектора малого и среднего предпринимательства в России в период пандемии // Вестник университета. 2021. № 6. С. 5–13. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-5-13
47. Глухова М.Н. (РСПП, Москва). Влияние пандемии на взаимодействие бизнеса и власти: взгляд бизнеса // Журнал НЭА. 2021. Т. 52, № 4. С. 235–239. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-11
48. Городецкий А.Е. Институты государственного управления в условиях новых вызовов социально-экономического развития. Монография. М.: Институт экономики РАН, 2018.
49. Громов В.В., Милоголов Н.С. Рекомендации по дополнению мер поддержки малого и среднего бизнеса в условиях пандемии в части снижения налоговой нагрузки на труд (по уплате страховых взносов) // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27, № 5. С. 83–89.
50. Евдокимова Т.В. Анализ генезиса теоретических подходов к понятию и оценке эффективности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. Т. 23, № 3. С. 22–27.

51. Жданова О.В. Мораторий на банкротство – спасательный круг или тормоз? // Имущественные отношения в РФ. 2020. Т. 227, № 8. С. 42–50.
52. Карелина С.А. Мораторий на банкротство: проблемы правового регулирования // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 2. С. 11–14.
53. Колчин С.П., Глубокова Н.Ю. Классификация мер финансовой поддержки в период чрезвычайной ситуации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2, № 5. С. 119–125. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.05.02.018
54. Кочетков Е.П. Антикризисная эффективность государственной поддержки бизнеса в условиях пандемии коронавируса: эмпирический анализ // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 1. С. 73–93. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.1.73-93
55. Морозенкова О.В. Новые возможности для развития российских экспортно ориентированных предприятий малого и среднего бизнеса // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 6. С. 7–22. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-6-7-22
56. Морозов Р., Акулова М., Панасевич В. Малый и средний бизнес в период пандемии: эффективность мер поддержки // Банкаўскі веснік: інфармацыйна-аналітычны і навучна-практычны журнал Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь. 2021. № 7. С. 62–72.
57. Романова О. Оптимизация поведения предприятия в современных условиях // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 3. С. 116–123.
58. Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С. (ред.). Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма. СПб.: Алетейя, 2020.
59. Санников Д.В. Анализ современного состояния мер поддержки малого и среднего предпринимательства в России в условиях коронакризиса // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 1693–1708. DOI: 10.18334/err.12.6.114850
60. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Зудин Н.Н. Результаты налоговой и финансовой поддержки российских компаний: проверка на дополнительность // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. Т. 34, № 2. С. 59–93. DOI: 10.13140/RG.2.2.13986.43200
61. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Погребняк Е.В. Промышленная политика федерального уровня: базовые модели и российская практика // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 39, № 3. С. 146–154. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-8
62. Хуснуллина Е.Н. Малое и среднее предпринимательство: меры поддержки в условиях пандемии // Актуальные вопросы развития национальной экономики: Материалы X Международной научно-практической конференции, Пермь, 23 апреля 2021 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 83–89.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. IMF. Fiscal Monitor: Database of Country Fiscal Measures in Response to the COVID-19 Pandemic. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/-/media/Files/Topics/COVID/FM-Database/October-2021/october-2021-country-fiscal-measures-database-publication.ashx> (дата обращения: 21.10.2024).
2. MetLife & U.S. Chamber of Commerce Small Business Coronavirus Impact Poll. June 3, 2020. URL: https://www.uschamber.com/sites/default/files/coronavirus_smallbusinessreport_june_2020.pdf (дата обращения: 21.10.2024).
3. SDGs Today. URL: <https://sdgstoday.org/dataset/covid-19-fiscal-response> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Verizon. SMB Responses to Covid-19. 2020. URL: <https://www.verizon.com/about/sites/default/files/Small-Business-Survey-2020.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
5. Банк России. Итоги работы Банка России 2020: кратко о главном. Москва, 2021a. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/annrep2020short/serf/ (дата обращения: 21.10.2024).
6. Банк России. Оценка эффективности мер поддержки субъектов МСП. Информационно-аналитический материал. Москва, 2021b. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/124805/dfs_04082021.pdf (дата обращения: 21.10.2024).
7. РСПП. О мерах поддержки российской экономики во время пандемии. Часть I. Меры в фискальной сфере. 2020. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/o-merakh-podderzhki-rossiyskoj-ekonomiki-vo-vremya-pandemii-chast-i-mer-y-v-fiskalnoy-sfereI1/#page2>. (дата обращения: 21.10.2024).
8. РСПП. О состоянии делового климата в 2020 году. Москва, 2021. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http%3A%2F%2Fwww.apprt.ru%2Fimages%2F_%2520-%2520Copy%252011.docx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 21.10.2024).
9. РСПП. Оценка бизнесом финансовых мер поддержки в условиях распространения Covid-19. 2020. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/-otsenka-biznesom-finansovykh-mer-podderzhki-v-usloviyakh-rasprostraneniya-covid-19/> (дата обращения: 21.10.2024).

REFERENCES

1. Abdrakhmanova, G.I. et al. (2021) «Black Swan» in a white mask. HSE analytical report for the anniversary of the COVID-19 pandemic. Eds: S.M. Plaksin, A.B. Zhulin, S.A. Farizova. Moscow: HSE. (In Russian).
2. Simachev, Yu.V. and Kuzyk, M.G., Pogrebnyak E.V. (2018) 'Industrial policy at the federal level: Basic models and Russian practice', *Journal of the New Economic Association*, 39(3), pp. 146–154. (In Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-8

3. Khusnullina, E.N. (2021) 'Small and medium-sized businesses: Support measures in the context of a pandemic', in: *Actual issues of national economy development: Proceedings of the X International scientific and practical conference, Perm, April 23, 2021*. Perm: Perm State National Research University, pp. 83–89.
4. Avdeeva, D.A., Akindinova, N.V., Balaeva, O.N. et al. (2021) *The response of Russian business to the COVID-19 pandemic (Based on six industry cases)*. Scientific eds: T.G. Dolgopyatova, N.V. Akindinova, Yu.V. Simachev, A.A. Yakovlev. Moscow: HSE. (In Russian). DOI: 10.17323/978-5-7598-2568-5
5. Akindinova, N.V., Glukhova, M.N. et al. (2021) Assessing the impact of the crisis associated with the COVID-19 pandemic on the sectors of the Russian economy and their post-crisis development: *Report for the XXII April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development*, Moscow, April 13–30. Yu. V. Simachev (head of the research team), National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE. (In Russian).
6. Baygulov, R.M., Akhmetova, G.Z., Ivanov, V.N., Rudakov, D.V. and Makovetsky, M.Yu. (2022) 'Assessing the effectiveness of measures to support Russian small and medium-sized businesses in the context of a pandemic', *Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*, 1, pp. 22–42. (In Russian). DOI: 10.37691/2311-5351-2022-0-1-22-42
7. Bezhanov, A.Z. (2020) 'Analysis of the effectiveness of measures proposed by the Government of the Russian Federation to support business in the context of coronavirus infection', *Regional problems of economic transformation*, 10, pp. 89–94. (In Russian). DOI: 10.26726/1812-7096-2020-10-89-94
8. Borkova, E.A., Doronin, M.V. and Mazin, A.S. (2021) 'Economic consequences of coronavirus infection for small businesses', *Economy, entrepreneurship and law*, 11(5), pp. 1181–1194. (In Russian). DOI: 10.18334/epp.11.5.112085
9. Voeikov, M.I., Gorodetsky, A.E. and Grinberg, R.S. (2018) *Economic nature of the state: a new perspective: Scientific report*. Moscow: Institute of Economics RAS.
10. Glukhov, K.V., Chebashev, I.A. and Mikhalevsky, A.V. (2021) 'Analysis of the effectiveness of measures of state support for the small and medium-sized entrepreneurship sector in Russia during the pandemic', *Bulletin of the University*, 6, pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-5-13
11. Glukhova, M.N. (RSPP, Moscow) (2021) 'The impact of the pandemic on the interaction of business and government: a business view', *NEA Journal*, 4 (52), pp. 235–239. (In Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-11
12. Gorodetsky, A.E. (2018) *Public administration institutions in the context of new challenges of socio-economic development*. Monograph. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
13. Gromov, V.V. and Milogolov, N.S. (2020) 'Recommendations for supplementing measures to support small and medium-sized businesses in the context of a pandemic in terms of reducing the tax burden on labor (for the payment of insurance premiums)', *Economic development of Russia*, 27(5), pp. 83–89. (In Russian).

14. Evdokimova, T.V. (2013) 'Analysis of the genesis of theoretical approaches to the concept and assessment of effectiveness', *Bulletin of Tomsk State University. Economics*, 3 (23), pp. 22–27. (In Russian).
15. Zhdanova, O.V. (2020) 'Moratorium on bankruptcy – a lifeline or a brake?', *Property relations in the Russian Federation*, 8 (227), pp. 42–50. (In Russian).
16. Karelina, S.A. (2021) 'Bankruptcy moratorium: problems of legal regulation', *Scientific notes of the law faculty*, 2, pp. 11–14. (In Russian).
17. Kolchin, S.P. and Glubokova, N.Yu. (2022) 'Classification of financial support measures during an emergency', *Economy and Management: Problems, Solutions*, 2(5), pp. 119–125. (In Russian). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.05.02.018
18. Kochetkov, E.P. (2022) 'Anti-crisis effectiveness of state support for business in the context of the coronavirus pandemic: empirical analysis', *MID (Modernization. Innovation. Development)*, 13(1), pp. 73–93. (In Russian). DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.1.73-93
19. Morozenkova, O.V. (2021) 'New opportunities for the development of Russian export-oriented small and medium-sized businesses', *Russian Foreign Economic Bulletin*, 6, pp. 7–22. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-8042-2021-6-7-22
20. Morozov, R., Akulova, M. and Panasevich, V. (2021) 'Small and medium businesses during the pandemic: the effectiveness of support measures', *Bankovski vesnik: information-analytical and scientific-practical journal of the National Bank of the Republic of Belarus*, 7, pp. 62–72. (In Russian).
21. Romanova, O. (2002) 'Optimization of enterprise behavior in modern conditions', *Problems of Management Theory and Practice*, 3, pp. 116–123. (In Russian).
22. Rubinstein, A.Ya., Gorodetsky, A.E. and Grinberg, R.S. (eds.) (2020) *Economic theory of the state: A new paradigm of paternalism*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russian).
23. Sannikov, D.V. (2022) 'Analysis of the current state of small and medium-sized business support measures in Russia in the context of the coronacrisis', *Economy, Entrepreneurship and Law*, 12(6), pp. 1693–1708. (In Russian). DOI: 10.18334/epp.12.6.114850
24. Simachev, Yu.V., Kuzyk, M.G. and Zudin, N.N. (2017) 'Results of tax and financial support for Russian companies: Testing for additionality', *Journal of the New Economic Association*, 2 (34), pp. 59–93. (In Russian). DOI: 10.13140/RG.2.2
25. Bennedsen, M. et al. (2020) 'The impact of government aid to firms in the COVID-19 pandemic', *VOX CEPR Policy Portal*. Available at: <https://voxeu.org/article/impact-government-aid-firms-covid-19-pandemic> (accessed 24 October 2024).
26. Bighelli, T., Lalinsky, T. and Vanhala, J. (2023) 'Cross-country evidence on the allocation of COVID-19 government subsidies and consequences for productivity', *Journal of the Japanese and International Economies*, 68, 101246. DOI: 10.1016/j.jjie.2023.101246

27. Boffo, R., Marshall, C. and Patalano, R. (2021) *COVID-19 government financing support programmes for businesses: 2021 update*. Paris: OECD. Available at: <https://www.oecd.org/finance/COVID-19-Government-FinancingSupport-Programmes-for-Businesses-2021-Update.pdf> (accessed 24 October 2024).
28. Buffington, C. et al. (2020) *Measuring the effect of COVID-19 on U.S. small businesses: The small business pulse survey*. No. CES-20-16. US Census Bureau. Available at: <https://www.census.gov/library/working-papers/2020/adrm/CES-WP-20-16.html> (accessed 24 October 2024).
29. Chen, S. et al. (2020) *Tracking the economic impact of COVID-19 and mitigation policies in Europe and the United States, special series on COVID-19*, Washington DC: IMF. Available at: https://www.imf.org/en/~link.aspx?id=27A8645D20AA4186A005A31874F699D0&_z=z (accessed 24 October 2024).
30. Cirera, X., Cruz, M., Davies, E., Grover, A., Iacovone, L., Lopez, J., Maduko, F., Medvedev, D., Nayyar, G., Ortega, S. and Torres, J. (2021) 'Policies to support businesses through the COVID-19 shock: A firm level perspective', *COVID Economics*, 64, pp. 42–72. CEPR Press, Paris & London. Available at: https://cepr.org/publications/covid-economics-issue-64#392514_392940_390697 (accessed 24 October 2024).
31. Cororaton, A. and Rosen, S. (2020) *Public firm borrowers of the US paycheck protection program*. Technical report. SMU Cox School of Business. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3590913> (accessed 24 October 2024).
32. Cui, W., Hicks, J. and Norton, M. (2020) *How well-targeted are payroll tax cuts as a response to Covid-19? Evidence from China*. Technical report, SSRN. DOI: 10.1007/s10797-022-09746-w
33. Cusmano, L. and Raes, S. (OECD) (2020) 'Coronavirus (COVID-19): SME policy responses', *Tackling Coronavirus Series*. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/coronavirus-covid19-sme-policy-responses-04440101/#section-d1e3087> (accessed 24 October 2024).
34. De Marco, F. (2020) *Public guarantees for small businesses in Italy during Covid-19*. Technical report, SSRN.
35. Deb, P., Furceri, D., Ostry, J.D., Tawk, N. and Yang, N. (2021) *The effects of fiscal measures during COVID-19*. IMF Working Papers/21/262, International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/11/05/The-Effects-of-Fiscal-Measures-During-COVID-19-504347> (accessed 24 October 2024).
36. Demmou, L., Franco, G., Calligaris, S. and Dlugosch, D. (OECD) (2021) 'Liquidity shortfalls during the COVID-19 outbreak: Assessment and policy responses', *OECD Economics Department Working Papers*. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/581dba7f-en.pdf?expires=1689909619&id=id&accname=guest&checksum=595A963BD38BCC68B621C68D1BABC349> (accessed 24 October 2024).
37. Evans, P.B. (1989) 'Predatory, developmental, and other apparatuses: A comparative political economy perspective on the third world state', *Sociological Forum*, 4(4), pp. 561–587.
38. Evans, P. (1995) *Embedded autonomy: states and industrial transformation*. Princeton: Princeton University Press.

39. Farzanegan, M.R. and Gholipour, H.F. (2023) 'COVID-19 fatalities and internal conflict: Does government economic support matter?', *European Journal of Political Economy*, 78, 102368.
40. Fernández-Cerezo, A., González, B., Izquierdo Peinado, M. and Moral-Benito, E. (2023) 'Firm-level heterogeneity in the impact of the COVID-19 pandemic', *Applied Economics*, 55(42), pp. 4946–4974. DOI: 10.1080/00036846.2022.2133894
41. Gereffi, G. and Mayer, F. (2006) 'Globalization and the demand for governance', in: Gereffi G. (ed.) *The new offshoring of jobs and global development*. Geneva: International Institute for Labour Studies, pp. 39–58.
42. Gholipour, H.F., Tajaddini, R. and Farzanegan, M.R. (2023) 'Governments' economic support for households during the COVID-19 pandemic and consumer confidence', *Empirical Economics*, 65, pp. 1253–1272. DOI: 10.1007/s00181-023-02367-0
43. Giupponi, G. and Landais, C. (2020) *Building effective short-time work schemes for the COVID-19 crisis*. VOX, CEPR Policy Portal. Available at: <https://voxeu.org/article/building-effective-short-time-work-schemes-covid-19-crisis> (accessed 24 October 2024).
44. Gourinchas, P.-O., Kalemli-Özcan, S., Penciakova, V. and Sander, N. (2020) 'Estimating SME failures in real time: An application to the Covid-19 crisis', *Working Paper*, 27877, NBER. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27877/w27877.pdf (accessed 24 October 2024).
45. Granja, J., Makridis, C., Yannelis, C. and Zwick, E. (2020) *Did the Paycheck Protection Program Hit the Target? Technical report*, NBER. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27095/w27095.pdf (accessed 24 October 2024).
46. Guerini, M., Nesta, L., Ragot, X. and Schiavo, S. (2022) 'The zombification of the economy? Assessing the effectiveness of French government support during COVID-19 lockdown', *Journal of Economic Behavior & Organization*, 218, pp. 263–280. DOI: 10.1016/j.jebo.2023.12.013
47. Hale, T. et al. (2023) 'Variation in Government Responses to COVID-19', Version 15. *Blavatnik School of Government Working Paper*. Available at: <https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-06/BSG-WP-2020-032-v15.pdf> (accessed 24 October 2024).
48. Harasztosi, P. and Savšek, S. (2022) 'Productivity and responses to the pandemic: Firm-level evidence', *EIB Working Papers*, 09, *European Investment Bank (EIB)*. DOI: 10.2867/011145
49. Heinemann, F. (2022) *Moving from broad to targeted pandemic fiscal support: requested by the European Parliament's Committee on Economic and Monetary Affairs*. Economic Governance Support Unit (EGOV). Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/689476/IPOL_IDA\(2022\)689476_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/689476/IPOL_IDA(2022)689476_EN.pdf) (accessed 24 October 2024).
50. Hidayati, R. and Rachman, N. (2021) 'Indonesian government policy and SMEs business strategy during the COVID-19 pandemic', *Niagawan*, 10(1). DOI: 10.24114/niaga.v10i1.21813

51. Honda, T., Hosono, K., Miyakawa, D., Ono, A. and Uesugi, I. (2023) 'Determinants and effects of the use of COVID-19 business support programs in Japan', *Journal of the Japanese and International Economies*, 67, 101239. DOI: 10.1016/j.jjie.2022.101239
52. Horner, R. (2017) 'Beyond facilitator? State roles in global value chains and global production networks', *Geography Compass*, 11(2), p. e12307.
53. Hoshi, T., Kawaguchi, D. and Ueda, K. (2022) 'Zombies, again? The COVID-19 business support programs in Japan', *Journal of Banking & Finance*, 147(2), 106421. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2022.106421
54. Jansen, M. et al. (2020) *SME Competitiveness Outlook 2020: COVID-19: The Great Lockdown and its Impact on Small Business*. Geneva: ITC. Available at: <https://view.ceros.com/walstead/itc-smeco-1/p/1> (accessed 24 October 2024).
55. Knox-Vydmanov, C., Cunha, N. et al. (2020) *International Labour Organization. Social protection responses to the Covid-19 in Asia and the Pacific*. ILO. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/asia/robangkok/documents/publication/wcms_753550.pdf (accessed 24 October 2024).
56. Kozeniauskas, N., Moreira, P. and Santos, C. (2020) 'COVID-19 and Firms: Productivity and Government Policies', *CEPR Discussion Paper No. 15156*. Paris & London: CEPR Press Available at: <https://cepr.org/publications/dp15156> (accessed 24 October 2024).
57. Kramer, Mills C. and Battisto, J. (2020) *Federal Reserve Bank of New York. Can small firms weather the economic effects of COVID-19?* Federal Reserve Bank of New York. Available at: <https://www.fedsmallbusiness.org/medialibrary/fedsmallbusiness/files/2019/20191211-ced-minority-owned-firms-report.pdf> (accessed 24 October 2024).
58. Sala, T. (2020) *COVID-19 SPAIN: update for business in Spain regarding Labour, Tax and Corporate matters*. Available at: <https://www.xterna.es/covid-19-spain-measures/> (accessed 24 October 2024).
59. Scarpetta, S., Queisser, M., Garner, A. and Königs, S. (OECD) (2020) 'Supporting people and companies to deal with the COVID-19 virus: Options for an immediate employment and social-policy response', *Tackling Coronavirus Series*. Available at: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/supporting-people-and-companies-to-deal-with-the-covid-19-virus-options-for-an-immediate-employment-and-social-policy-response-d33dffe6/#section-d1e503> (accessed 24 October 2024).
60. Shinozaki, S. et al. (2021) *Asia small and medium-sized Enterprise Monitor 2020-volume II country and regional reviews*. Asian Development Bank. DOI: 10.22617/TCS200311-2
61. Tetlow, G. and Dalton, G. (2020) *Support for business during the coronavirus crisis*. The Institute for Government. Available at: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/support-business-coronavirus> (accessed 24 October 2024).
62. Wieland, V. (2022) *Overview of how major economies have responded to the Covid-19 pandemic. Growth trajectories, debt sustainability and best practices*. Economic Governance Support Unit (EGOV), Directorate-General for Internal Policies, PE 689.450. February 2022. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/689450/IPOL_STU\(2022\)689450_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2022/689450/IPOL_STU(2022)689450_EN.pdf) (accessed 22 October 2024).

OFFICIAL DOCUMENTS

1. *IMF* (2021) Fiscal Monitor: Database of Country Fiscal Measures in Response to the COVID-19 Pandemic. Available at: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/-/media/Files/Topics/COVID/FM-Database/October-2021/october-2021-country-fiscal-measures-database-publication.ashx> (accessed 24 October 2024).
2. *MetLife & U.S.* (2020) Chamber of Commerce Small Business Coronavirus Impact Poll. June 3. Available at: https://www.uschamber.com/sites/default/files/coronavirus_smallbusinessreport_june_2020.pdf (accessed 24 October 2024).
3. *SDGs Today* (2021) Available at: <https://sdgstoday.org/dataset/covid-19-fiscal-response> (accessed 24 October 2024).
4. *Verizon* (2020) SMB Responses to Covid-19. Available at: <https://www.verizon.com/about/sites/default/files/Small-Business-Survey-2020.pdf> (accessed 24 October 2024).
5. *Bank of Russia* (2021a) Results of the Bank of Russia's work in 2020: briefly about the main thing. Moscow. Available at: https://www.cbr.ru/about_br/publ/annrep2020/short/serf/ (accessed 24 October 2024).
6. *Bank of Russia* (2021b) Evaluation of the effectiveness of measures to support SMEs. Information and analytical material. Moscow. Available at: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/124805/dfs_04082021.pdf (accessed 24 October 2024).
7. *RSPP* (2020) On measures to support the Russian economy during the pandemic. Part I. Measures in the fiscal sphere. Available at: <https://rspp.ru/activity/analytics/o-merakh-podderzhki-rossiyskoy-ekonomiki-vo-vremya-pandemii-chast-i-mery-v-fiskalnoy-sfere11/#page2> (accessed 24 October 2024).
8. *RSPP* (2021) On the state of the business climate in 2020. Moscow. Available at: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http%3A%2F%2Fwww.apprt.ru%2Fimages%2F_%2520-%2520Copy%252011.docx&wdOrigin=BROWSELINK (accessed 24 October 2024).
9. *RSPP* (2020) Business assessment of financial support measures in the context of the spread of Covid-19. Available at: <https://rspp.ru/activity/analytics/-otsenka-biznesom-finansovykh-mer-podderzhki-v-usloviyakh-rasprostraneniya-covid-19/> (accessed 24 October 2024).

Статья поступила в редакцию 17.03.2024;
одобрена после рецензирования 08.10.2024;
принята к публикации 15.11.2024.